

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД БУРЯТ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ В 1959–2010 гг.

Ключевые слова: буряты, Восточная Сибирь, народы Сибири, динамика численности, рождаемость, смертность, миграции, этнодемография

В статье приведены результаты исследования численности, удельного веса, рождаемости, смертности, возрастного состава бурят Республики Бурятия в 1959–2010-е годы. На основе материалов всесоюзных и всероссийских переписей и данных текущего учета населения проанализированы процессы воспроизводства, выявлены этапы и тенденции демографического перехода у бурят. Показана зависимость перехода от различных факторов, в т.ч. социально-классовой, образовательной структуры общества, степени его урбанизированности, от государственной политики и экономических реформ. По результатам исследования авторы делают вывод о том, что численность бурят в сравнении с другими этносами республики в рассматриваемый период выросла значительно благодаря тому, что они находились на более ранних стадиях демографической модернизации, характеризующихся высокой рождаемостью и сравнительно низкой смертностью.

Важнейшей задачей демографии как науки является исследование численности населения, меняющейся под влиянием естественного движения и миграций. Вместе с тем в разных районах страны в зависимости от складывающихся условий всегда существовала своя специфика роста/сокращения количества жителей. В этом отношении и в Советском Союзе, и — позднее — в Российской Федерации выделялись регионы с полиэтническим составом населения и прежде всего республики, особенности демографического развития которых во многом определялись показателями рождаемости и смертности национальных групп, проживающих на их территории. В связи с этим изучение этнических аспектов воспроизводства представляет большой интерес: позволяет лучше понять процессы народонаселения в многонациональных регионах, помогает в объяснении специфики их экономического, политического и культурного развития в исторической ретроспективе. Объектом нашего исследования являются буряты Республики Бурятия — именно здесь проживало и проживает больше половины совокупной численности этноса.

Отдельные сюжеты демографического развития бурятского народа в досоветский период затрагивались в работах А.П. Окладникова (*Окладников* 1937), С.А. То-

Одон Борисович Дашинамжилов | <https://orcid.org/0000-0002-0938-2290> | odon@bk.ru | к.и.н., научный сотрудник сектора историко-демографических исследований | Институт истории СО РАН (ул. Николаева 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Виктория Васильевна Лыгденова | <https://orcid.org/0000-0003-4277-8155> | victoria.lygdenova@gmail.com | к. филос. н., научный сотрудник отдела этнографии | Институт археологии и этнографии СО РАН (пр. Ак. Лаврентьева 17, Новосибирск, 630090, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: РФФИ, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [проект № 18-09-00395]

карева (Токарев 1953: 37–52), Б.О. Долгих (Долгих 1960). Динамика численности бурят в XIX–XX вв. рассматривалась в трудах Б.С. Санжиева (Санжиев 1974), Д.Д. Нимаева (Нимаев 1989), Б.Р. Зориктуева (Зориктуев 1982), К.Д. Басаевой (Басаева 1980). Количественные изменения в составе этноса в контексте изучения других народов Советского Союза анализировались В.И. Козловым (Козлов 1982) и С.И. Бруком (Брук 1981). Интерес к рассматриваемой проблеме усилился в постсоветский период в связи с облегчением доступа к статистической информации (см., напр.: Базаров, Курас 1996; Балдано 2002; Елаев 2000; Жуковская 2013; Затеев, Хараев 2002; Рандалов 1996; Мангатаева 1995; Михайлов, Рандалов 1968; Ханхараев 1993: 115–117).

Среди зарубежных исследований демографии народов Сибири можно выделить труды К. Хамфри (Humphrey 2002), Т. Хелениака (Heleniak 2012), А. Петрова (Petrov 2009), Г. Фондал (см., напр., ее статью в соавторстве с А.А. Сириной: Fondahl, Sirina 2006). Работы К. Хамфри посвящены антропологии, религии и хозяйственной культуре бурят, изредка в них затрагиваются и проблемы народонаселения. В трудах Т. Хелениака, А. Петрова и Г. Фондал обзорно рассматриваются численность и миграции коренных народов Сибири в постсоветский период, преимущественно на территории Севера и Востока России.

Бесспорно, отечественные и зарубежные ученые смогли расширить знания о демографическом развитии бурятского народа. Однако в центре их внимания оказались в основном проблемы численности и территориального размещения этноса. Сравнительный анализ суммарного коэффициента рождаемости и средней продолжительности жизни в разные исторические периоды не проводился; до сих пор многие вопросы демографического развития одной из крупнейших национальностей Востока России остаются неизученными. К настоящему моменту возникла необходимость в проведении исследования, направленного на рассмотрение особенностей демографического перехода бурят.

Хронологические рамки нашего исследования охватывают период 1959–2010 гг. Его нижняя граница совпадает по времени с проведением первой послевоенной Всесоюзной переписи населения, благодаря которой впервые за долгие годы были получены подробные демографические сведения о бурятах. Верхней границей служит Всероссийская перепись 2010 г. — последняя, проведенная в нашей стране на данный момент.

Методологическую основу нашей работы составила концепция демографического перехода, суть которой заключается в том, что население в своем развитии проходит ряд последовательных этапов, связанных с модернизацией общества. Традиционное общество отличают высокая рождаемость и высокая смертность; численность населения растет довольно медленно (не более 1,0% в год), что не в последнюю очередь связано с отсутствием врачебной помощи. Первая фаза демографического перехода характеризуется снижением смертности (обусловленной в т.ч. успехами медицины в борьбе с инфекционными заболеваниями — наиболее распространенной причиной смерти) при сохранении прежней, близкой к физическому пределу рождаемости. Это этап расширенного воспроизводства, когда среднегодовые темпы роста населения могут достигать 2,5–3,0% (как, напр., в России в конце XIX — 20-х годах XX в.).

Для второй фазы характерно быстрое снижение рождаемости под влиянием сложного комплекса ограничивающих факторов и дальнейшее сокращение смертности, но уже меньшими темпами. Воспроизводство населения остается расширенным, однако темпы прироста численности снижаются (как, напр., в РСФСР 1920–1950-е годы). В третьей фазе ограничение и регулирование рождаемости становится практически повсеместным, ее уровень незначительно меняется при отсутствии серьезных социальных потрясений. После ликвидации большинства инфекционных заболеваний показатель смертности продолжает медленно снижаться. Среднегодо-

вые темпы прироста населения на этом этапе составляют примерно 1,0%. Считается, что в РСФСР переход к третьей фазе завершился в 1960-е годы (*Кваша* 1974).

Наряду с общими закономерностями демографического развития в каждой стране (и даже в каждом ее регионе) имелись свои особенности, которые во многом определяли длительность и качество той или иной фазы перехода. Эти особенности находили отражение в статистических показателях, включая которые в содержательный исторический контекст, мы рассматриваем смену стадий как итог взаимодействия множества специфичных условий и факторов (экономических, социальных и т.д.).

Положения теории демографического перехода в научных исследованиях использовались применительно к какой-либо стране или региону. Такой подход оправдан при изучении этнически однородных районов, но не пригоден для многонациональных. В этих случаях представляется необходимым изучение показателей смертности и рождаемости для каждой отдельной национальности. Это даст возможность определить, на каких стадиях демографического перехода она находится и в конечном итоге объяснить региональную специфику динамики численности населения. С этой точки зрения данное исследование носит практический характер, т.к. позволяет на конкретном примере выяснить этнические особенности воспроизводства, что в дальнейшем может служить основой для научных изысканий в этой области.

Для успешного решения поставленных задач в тесной взаимосвязи нами были использованы статистические и демографические методы. Анализ данных, извлеченных из опубликованных и неопубликованных источников, проводился с применением приемов группировки и классификации. Для выявления суммарного коэффициента рождаемости и средней продолжительности жизни был использован метод условного поколения. С помощью корреляционного метода прослежена зависимость рождаемости и смертности от причин экономического и социального плана. С помощью историко-генетического и историко-сравнительного методов были выявлены причинно-следственные связи между различными демографическими показателями и историческими контекстами, что позволило определить особенности демографического перехода бурят в рассматриваемый период.

Источниковую базу работы составили материалы всесоюзных (1959, 1970, 1979 и 1989 гг.), всероссийских (2002 и 2010 гг.) переписей и текущего учета населения. Переписи позволили нам получить обширные данные о численности, территориальном размещении, возрастном и социально-классовом составе этноса; основная часть материалов извлечена из опубликованных статистических сборников, в т.ч. изданных для служебного пользования. Благодаря текущему учету получены сведения о рождаемости и смертности по возрастным когортам с пятилетним интервалом. Это прежде всего форма № 2 “Сведения о родившихся по возрасту и национальности матери” и форма № 4-г “Сведения об умерших по возрасту, полу и национальности”. Они были извлечены из Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ), частично — из Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК), а также из ведомственного архива службы статистики республики (Бурятстат).

Согласно Всесоюзной переписи 1959 г. на территории Бурятской АССР (БАССР) проживало 135,8 тыс. бурят, что составляло 20,2% населения республики (673,3 тыс. чел.)¹. Общеизвестно, что роль миграций в демографическом развитии зауральских районов России была значительной (*Исупов* 2011): после строительства Транссибирской магистрали и аграрного переселения из европейских районов страны доля бурят в районах преимущественного расселения заметно снизилась. Большое влияние на демографическую динамику оказали также социальные потрясения первой половины XX в.

Во второй половине столетия развитие восточных районов было более последовательным, но масштабные экономические проекты, за исключением Байкало-

Амурской магистрали, территорию Бурятии не затрагивали; приток населения был минимальным: в период между переписями 1959 и 1979 гг. он оказался почти на нулевом уровне (0,2 тыс. чел.). Две крупнейшие национальности республики — русские и буряты, — находясь на разных стадиях демографического перехода, имели разные показатели воспроизводства: шло медленное повышение доли бурят в населении БАССР. Этому способствовало то, что экономические миграции (если не считать сезонных перекочевок в районах преимущественного расселения в досоветский период и во время социальных потрясений), присущие индустриальному обществу, в демографическом развитии этноса играли незначительную роль. Влияние индустриализации и урбанизации было небольшим: буряты компактно проживали в основном в сельской местности, а их представительство в городских поселениях и промышленно развитых районах страны повышалось медленно.

К 1970 г. доля бурят в БАССР увеличилась до 22,0%, к 1979 г. — до 23,0%, а к 1989 г. — до 24,0%. Строительство Байкало-Амурской магистрали привело к появлению нескольких поселков и даже г. Северобайкальска, но слабо повлияло на национальный состав населения. Небольшим оказался и механический прирост населения в республике: в 1979–1988 гг. он составил 6,2 тыс. чел.² В конечном итоге, если численность всего населения Бурятии за 1959–1989 гг. выросла примерно в полтора раза — на 54,2%, то бурят — на 83,7% (в Восточной Сибири — на 41,4%)³. Этот рост оказался самым высоким среди регионов преимущественного расселения бурят. Так, например, в Читинской обл. их численность повысилась на 66,7% (в Агинском Бурятском автономном округе — на 81,2%), а в Иркутской обл. — всего на 9,6% (в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе — на 9,9%), что объясняется, по всей видимости, тем, что часть бурят переселилась в БАССР. Косвенно это подтверждают данные текущего статистического учета⁴. Таким образом, миграции носили “внутренний характер” — между районами основного расселения. Такой тип пространственных перемещений был обусловлен объективными причинами и характерен для народов, находящихся на промежуточных стадиях демографического перехода.

Вместе с тем миграция, в сравнении с естественным приростом, являлась все же второстепенной причиной повышения численности этноса. В связи с этим большой интерес представляет возрастной состав бурятского населения БАССР. Мы проанализировали возрастные когорты бурят и русских с пятилетним интервалом по материалам Всесоюзной переписи населения 1959 г. Оказалось, что возрастные категории от 60 лет и старше у бурят имеют большую долю в сравнении с русскими.

У бурят доля лиц в возрасте до 30 лет была меньше — 59,9% (в целом по республике она составляла 62,6%, а у русских — 64,2%), а удельный вес старших возрастов (60 лет и выше) оказался существенно больше (Табл. 1). Сложно объяснить, чем это вызвано, с учетом сравнительно высокой рождаемости у бурят. Возможно, с одной стороны, причина в том, что на демографическом развитии народа таким образом отразились социальные потрясения первой половины XX столетия. Косвенно это подтверждают данные переписей 1926 и 1939 гг., когда численность бурят в республике и стране в целом уменьшилась (на 5,4%). Если рассматривать возрастную структуру более детально, то оказывается, что бурят меньше в когортах от 10 до 39 лет, т.е. 1920–1949 гг. рождения. С другой стороны, следует учитывать миграционные процессы на востоке России и людской приток из центральных районов на промышленные стройки и во время эвакуационных мероприятий в годы войны, что привело к некоторым позитивным сдвигам в структуре русского населения.

Проследивая демографическое развитие бурят, следует отметить интересный факт: их возрастной состав в дальнейшем омолаживался, тогда как население республики в целом постепенно старело⁵. В течение двух десятилетий доля молодежи до 30 лет среди бурят росла: в 1970 г. — до 62,6%, в 1979 г. — до 64,3%, и только

Таблица 1

Возрастной состав бурятского и русского населения БАССР в 1959 г., %

Возраст, лет	Буряты	Русские
0–4	16,8	14,8
5–9	13,4	13,7
10–14	7,5	8,2
15–19	7,2	8,2
20–24	7,4	10,1
25–29	7,6	9,2
30–34	6,9	8,3
35–39	4,8	5,2
40–44	5,4	4,6
45–49	5,1	4,8
50–54	4,3	3,8
55–59	3,6	2,9
Старше 60	10,0	6,2

Сост. по: Возрастной состав населения РСФСР (По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.) / Центр. стат. упр. при Совете Министров РСФСР. М., 1962. С. 381, 444, 457.

в 1989 г. она сократилась до 59,7%. Удельный вес пожилых когорт (60 лет и выше) за 1959–1989 гг. несколько уменьшился (с 10,0 до 9,0%). При этом у русского населения доля молодежи снижалась: в 1970 г. — до 57,3%, в 1979 г. — 57,4%, в 1989 г. — до 52,2%, а пожилых увеличивалась до 7,7; 9,0 и 10,4% соответственно (подсчитано по: РГАЭ. Л. 175–178).

Динамика возрастного состава подтверждает предположение, что бурятское население находилось на ранних этапах демографического перехода. В ситуации, когда рождаемость достаточно высока, а смертность, особенно младенческая, резко снижается, на краткое время происходит омоложение возрастного состава народа (см., напр.: *Пирожков* 1976: 58). Однако следует помнить, что на этот процесс опосредованно повлияли большие людские потери в годы социальных потрясений, искажившие и преждевременно состарившие возраст этноса. Данные 1979 г. фиксируют некоторый рост доли пожилых когорт по сравнению с 1970 г. (с 9,1 до 9,4%), затем тенденции старения нарастают и становятся более явными к 1989 г.

В России в течение XX в. происходило непрерывное (с некоторыми колебаниями) снижение рождаемости. Если в конце XIX столетия суммарный коэффициент рождаемости составлял примерно 7,06 рождения на одну женщину, в 1926/1927–5,38; то в 1939 г. — уже 4,40; а в 1959 г. — 2,63. Аналогичная динамика с учетом местной специфики отмечена и в восточных районах. Исследовательский анализ показал существенное превышение этих значений у бурят: в 1958/1959 гг. суммарный коэффициент рождаемости достиг 5,066; тогда как в целом по республике он составил 3,693; а у русских — 3,380 (подсчитано по: ГАРБ 1. Д. 5681. Л. 6–8об.; Д. 5712. Л. 11–13об.).

Доля горожан в населении являлась одним из важнейших факторов рождаемости, поскольку она в городах всегда оказывается ниже, чем в сельской местности. Данные Всесоюзной переписи 1959 г. показывают, что в городских поселениях БАССР проживало 41,1% населения. Среди русских этот показатель составлял 46,5%. Буряты же в значительной мере продолжали оставаться сельскими жителями (16,6%), что препятствовало сокращению рождаемости⁶.

Специальные исследования демографов выявили особенности репродуктивного поведения разных общественных групп населения. У служащих рождаемость была

ниже, чем у рабочих, а у рабочих ниже, чем у колхозников (Урланис 1963: 66–67). В ходе изучения социально-классового состава выяснилось, что доля рабочих и служащих в населении республики в целом в 1959 г. достигла 72,4%, а колхозников уменьшилась до 27,4% (прочие — 0,2%). Распределение бурят в этой структуре оказалось иным: доля колхозников среди них превысила половину — 57,0%, рабочих и служащих было заметно меньше — только 42,8%. Причем среди рабочих основную долю составляли труженики совхозов, не особенно отличавшиеся от колхозников по репродуктивному поведению. Буряты были заняты преимущественно в первичных отраслях материального производства (сельское хозяйство), не требующих высокой квалификации, доля занятых в промышленности была очень низка (9,2 против 28,5% у русского населения)⁷.

Важным фактором снижения рождаемости являлся рост уровня образования. У женщин, имеющих образование не ниже среднего, было меньше детей, чем у получивших только начальное; меньше детей было у женщин, занятых преимущественно умственным трудом, в сравнении с занятыми преимущественно физическим⁸. Вследствие произошедших сдвигов в социальной и образовательной структуре в стране увеличилась доля лиц с демографическим поведением, характеризующимся пониженной рождаемостью. Образованные люди отличались большей склонностью к регулированию деторождения, размеров семьи и сроков появления детей⁹.

К 1959 г. бурятское население республики достигло достаточно высокого образовательного уровня. Так, число имеющих высшее, неоконченное высшее, среднее специальное образование составило 46 чел. на 1000, тогда как у русских оно достигло 52/1000, среднее общее — 30 и 28, семилетнее — 119 и 147, начальное — 178 и 242 соответственно. Ускоренный рост уровня образования у бурят в дальнейшем стал одной из важных причин сокращения рождаемости.

Исследование процессов воспроизводства населения предполагает также анализ смертности. Основной демографической тенденцией первой половины XX столетия явилось непрерывное, с небольшими колебаниями, повышение продолжительности жизни в Советском Союзе, после войны этот показатель увеличился почти в полтора раза: с 47,0 лет в 1945/1946 гг. до 69,0 в 1958/1959 гг. В современной демографической литературе принята точка зрения, согласно которой к середине 1960-х годов в России в основном завершился первый эпидемиологический переход: в структуре причин смертности произошли коренные сдвиги — замена экзогенных или преимущественно внешних причин смертности на эндогенные, имеющие внутреннюю природу.

При сравнении соответствующих показателей БАССР и РСФСР выяснилось, что даже с учетом преобладания более молодых возрастных групп в структуре населения показатели смертности в республике свидетельствовали о незавершенности эпидемиологического перехода (Табл. 2). По всем анализируемым причинам, кроме болезней кровообращения, смертность в БАССР была выше, чем в целом по РСФСР. Единственное исключение имплицитно указывает на то, что часть людей фактически не достигала преклонного возраста, где эти болезни преобладали. Заметно выше была смертность от внешних или экзогенных причин — инфекционных и паразитарных болезней, болезней органов дыхания и особенно от несчастных случаев, отравлений и травм.

Показатели средней продолжительности жизни подтверждают наши выводы: в республике в 1958/1959 гг. она составила 65,81 года, а в РСФСР — 67,91 года¹⁰. Если предположить, что признаком окончания демографического перехода является рубеж в 68–70 лет, то в БАССР к концу 1950-х годов он был близок к завершению, хотя и шел с запозданием. Средняя продолжительность жизни бурятского населения, однако, оказалась ниже — 62,39 года (подсчитано по: ГАРБ 1. Д. 5681. Л. 16; Д. 5712. Л. 22). Коэффициенты смертности у бурят были больше почти во всех

Таблица 2

**Смертность по различным причинам в Бурятской АССР и в РСФСР в 1960 г.
(количество случаев на 100 тыс. чел.)***

Причина смерти	Бур. АССР	РСФСР
Всего умерших, в т.ч.:	731,6	738,7
от инфекционных и паразитарных болезней	65,0	52,1
от новообразований	138,5	138,4
от болезней кровообращения	198,6	260,6
от болезней органов дыхания	89,9	74,3
от несчастных случаев, отравлений и травм	108,8	85,5

*Текущий архив Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. Динамические ряды № 4. Л. 9; Естественное и механическое движение населения РСФСР: Статистический сборник. М., 1972. С. 69.

возрастных когортах с пятилетним интервалом. Особенно высоким он был у детей до одного года — 57,9% (против 40,6% в целом по республике). Было бы любопытно проанализировать причины смерти, приведшие к подобной дифференциации, но региональные органы статистики не фиксировали эти данные по отдельным национальностям.

Отставание в средней продолжительности жизни бурят можно объяснить, проанализировав факторы смерти. Повышение продолжительности жизни в России в XX в. происходило благодаря социально-экономическому подъему в стране, повышению материального благосостояния, совершенствованию медицины. В рассматриваемый период ослабело влияние таких факторов, как недоедание, необеспеченность жильем, дефицит обуви и одежды. Повышение качества здравоохранения препятствовало распространению инфекционных заболеваний. Благодаря формированию сети учебных учреждений и ликвидации неграмотности вырос культурный и образовательный уровень людей, широкое распространение получили знания о факторах смертности, увеличилась доля тех, кто занимался преимущественно умственным трудом. Именно поэтому во второй половине XX в. (за исключением последнего десятилетия), когда социальные катаклизмы остались позади, произошел значительный подъем средней продолжительности жизни в РСФСР. Ее более низкий показатель в Бурятии можно до некоторой степени объяснить недостаточным развитием учреждений здравоохранения¹¹, преобладанием в социально-классовой структуре лиц, занятых преимущественно физическим трудом, среди которых особенно высока была доля колхозников. Кроме того, образовательный уровень по данным 1959 г. был ниже, чем в РСФСР.

Буряты, как и многие другие народы России, в рассматриваемый период находились как бы на промежуточных этапах модернизации, определяющими признаками которой являются индустриализация и урбанизация, формирование новой социальной структуры и изменение характера занятости населения. Если говорить о русском населении, то к началу 1960-х годов оно было активно задействовано в этих процессах. Доля городского населения среди русских в стране превысила половину их общей численности, а в социально-классовом составе увеличился удельный вес “продвинутых” общественных групп — рабочих и служащих. Образ жизни личности и семьи, культура производства, образовательный уровень соответствовали требованиям модернизации.

У бурят эти процессы шли с запозданием. Прежде всего, при переходе к социализму была пропущена стадия капитализма, на которой формируется национальный отряд рабочего класса, появляются промышленные города, увеличивается городское население. Для кочевых сообществ этот этап важен еще и тем, что в это время про-

исходит переход к оседлому образу жизни. После Октябрьской революции 1917 г. по решению “сверху” эти процессы были осуществлены под целенаправленным и мощным воздействием государства. Такое развитие событий повлекло за собой ряд последствий.

Во-первых, в социальной структуре превалировали общественные группы, тесно связанные с традиционными методами ведения хозяйства — прежде всего колхозники, но даже среди рабочих значительную долю составляли труженики совхозов и прочих сельхозпредприятий. Во-вторых, переход к земледелию произошел в сжатые сроки, но культура современного землепользования, аграрного производства (сильно отличающаяся от кочевого скотоводства), применения современной техники не могла сформироваться сразу. Традиции и опыт, соответствующий ритм жизни, потребление определенных продуктов питания — все это передается от поколения к поколению и складывается веками. Значительным препятствием перехода к современному типу хозяйствования было недостаточно хорошее знание русского языка, на котором публиковалась вся техническая документация, справочники и ГОСТы, а также научная литература. Хотя отследить все эти сложные процессы с помощью статистических показателей непросто, можно с определенной долей уверенности говорить о том, что следствием такого переходного состояния стало отставание бурят в средней продолжительности жизни.

Как уже говорилось, признаком наступления первой фазы демографического перехода является снижение смертности при сохранении прежней рождаемости. Такому режиму воспроизводства соответствуют высокие среднегодовые темпы роста численности населения. Первые признаки наступления этой фазы у бурят можно увидеть в 1930-е годы, но некоторые успехи в области здравоохранения и образования нивелировались значительными потерями от социальных потрясений и голода (*Бошектуев* 2002). Можно заключить, что на рубеже 1950–1960-х годов у бурят подходила к завершению первая фаза, в то время как у русских — вторая. Это подтверждают показатели ежегодного роста численности населения: за 1959–1970-е годы для бурятского населения он составил 2,5%, тогда как в среднем по республике — 1,7%.

Примечательно, что по данным о среднем числе рожденных детей, собранным в ходе всесоюзных переписей 1979 и 1989 гг., у бурят произошел рост рождаемости в 1950-е годы, т.е. тогда же, когда и у многих других народов СССР¹². Это, в свою очередь, указывает на японско-мексиканский тип демографической модернизации, когда при значительных успехах медицины и наличии других положительных факторов, влияющих на снижение смертности, происходил кратковременный рост рождаемости¹³. Он был присущ обществу догоняющего типа и косвенно объясняет омоложение возрастной структуры у бурят в 1960-е и частично в 1970-е годы. В классической английской схеме перехода рождаемость при снижении смертности не растет, а сохраняется на прежнем уровне.

В 1970 г. суммарный коэффициент рождаемости у бурят республики упал до 3,596 рождения на одну женщину, у русских — до 2,237 (подсчитано по: ГАРБ 1. Д. 6101. Л. 21–22об.). Помимо роста уровня образованности и доли городских жителей большую роль в таком значительном снижении сыграла политика советского правительства, нацеленная на привлечение в экономику незанятых групп населения. Были предприняты определенные шаги в этом направлении, в т.ч. введены ограничительные меры в отношении ЛПХ (личного подсобного хозяйства). В итоге в 1961–1965 гг. более половины, а в 1966–1970 гг. около $\frac{1}{4}$ прироста трудовых ресурсов в СССР было обеспечено за счет работавших ранее в домашних и личных подсобных хозяйствах, а это были преимущественно женщины¹⁴. Таким образом, результатом государственной политики стало уменьшение свободного времени женщин и увеличение их трудовой нагрузки, что в конечном счете привело к сокращению рождаемости.

Подобная политика особенно негативно отразилась на бурятском населении из-за высокой доли сельских жителей. Скорее всего, пошатнулось и их материальное положение (Гущин 1991). Данные всесоюзных переписей подтверждают резкое снижение доли занятых в ЛПХ. Только за 1959–1970 гг. в целом по Бурятской АССР она уменьшилась с 3,1 до 0,4%, а среди женщин — с 5,5% до 0,8%¹⁵.

К 1979 г. рождаемость у бурят вновь снизилась. Согласно предварительным оценкам суммарный коэффициент рождаемости уменьшился до 3,116 (подсчитано по: ГАРБ 2. Д. 75. Л. 37–37об.; Д. 77. Л. 56–56об.). Причиной послужили сдвиги в пространственной и социальной структурах населения. Доля горожан за 1959–1979 гг. возросла более чем в два раза, превысив треть общей численности этноса (35,9%). Увеличилось число поселков городского типа вблизи мест компактного расселения бурят: в 1970-е годы многие крупные сельские поселения республики были переведены в ранг поселков городского типа (Хоринск, Кырен, Баргузин, Иволгинск, Заиграево, Джида, Багдарин)¹⁶. Произошла трансформация социальной структуры в пользу общественных групп с заниженной рождаемостью. Согласно Всесоюзной переписи 1979 г. доля колхозников у бурят РСФСР снизилась в 2,7 раза (до 20,9%). Величина падения, даже с учетом преобразований части колхозов в совхозы, оказалась очень велика. К 1979 г. около $\frac{4}{5}$ всех занятых (78,9%) стали рабочими и служащими¹⁷.

Удельный вес имеющих занятия бурят в 1960-е годы почти не менялся, но в 1970-е годы заметно вырос: с 36,7% в 1970 г. до 44,6% в 1979 г. Вырос образовательный уровень бурятского населения, который стал даже выше, чем у русского¹⁸. К 1979 г. удельный вес занятых в отраслях нематериального производства повысился почти в два раза (с 14,6 до 28,7%), задействованных в сельском и лесном хозяйстве — снизился на треть, увеличилась доля работающих в промышленности, строительстве, на транспорте и связи¹⁹.

В январе 1981 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР “О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей”, согласно которому для работающих матерей была введена частичная оплата отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года. Высокую рождаемость вызвали большие общественные ожидания, связанные с перестройкой, и активизация социальной политики государства. Вместе с тем рождаемость у бурятских женщин за 1979–1989 гг. увеличилась незначительно — с 3,116 до 3,211, в то время как у русских она выросла примерно с 2,240 до 2,722 рождения на одну женщину (подсчитано по: ГАРБ 2. Д. 191. Л. 75–76, 111–112). При сравнении двух крупнейших национальностей республики видно, что в тех возрастных когортах, где у русских произошел рост возрастных коэффициентов рождаемости (25–29, 30–34 и 35–39 лет), у бурят его не наблюдалось. Косвенно это может говорить о том, что меры государственной поддержки оказывали меньшее воздействие на население, находящееся на промежуточных фазах демографического перехода.

После стремительного послевоенного повышения средней продолжительности жизни в 1960-е годы темпы ее роста замедляются. К 1979 г. разница в этом показателе у бурят и русских в республике практически нивелировалась. Средняя продолжительность жизни по Бурятии в целом несколько снизилась — до 65,25 года, но у бурятского населения она увеличилась на два с лишним года — до 64,71 года, а к 1989 г. достигла 67,40 года (все население — 68,37) (подсчитано по: ГАРБ 2. Д. 75. Л. 53об.; Д. 77. Л. 102об.; Д. 192. Л. 124).

Адаптация этноса к условиям модернизации пошла нетипичным путем. Прежде всего, значительно повысился уровень образования. Проследить зависимость смертности от образовательного уровня можно на основе материалов Всесоюзной переписи 1979 г., по итогам которой были опубликованы (правда, в сборниках для служебного пользования) необходимые для расчетов статистические сведения. Вза-

имосвязь этих показателей очевидна: по мере роста образованности росла осведомленность людей о факторах преждевременной смерти, а следовательно, и способность оказывать им противодействие. Как уже отмечалось, произошли важные сдвиги в структуре занятости, повысилась доля профессий с низкой опасностью для жизни. Эта динамика сохранялась и в 1980-е годы.

На основании целого ряда показателей можно утверждать, что к концу 1960-х годов буряты вступают во вторую фазу демографического перехода, которая длится до конца советского периода. Это подтверждают среднегодовые темпы роста численности этноса, которые в 1970–1979 гг. составили 1,6%, а в 1979–1989 гг. — 1,9%. Социальная политика государства и меры по поддержке семей с детьми позволили этой фазе продлиться до конца 1980-х годов, несмотря на повышение доли горожан, перемены в социальной и образовательной структурах, снижение смертности.

Социально-экономические и политические преобразования в стране в конце XX в. оказали огромное влияние на демографические процессы. Хозяйственные реформы второй половины 1980-х годов, распад Советского Союза и переход к рынку в 1990-е годы привели к масштабным переменам в жизни общества. Численность населения Бурятии за 1989–2010 гг. сократилась на 6,4%, т.е. меньше, чем в среднем по Восточной Сибири (на 10,7%). Естественный прирост за эти годы в целом оказался положительным (33,1 тыс. чел.) за счет повышения числа рождений и снижения количества смертей во второй половине 2000-х годов. В то же время значительно вырос отток населения в западном направлении, достигший огромной для республики цифры — почти 100,0 тыс. чел.

В связи с тем что в освоении и заселении восточных территорий государственные органы традиционно играли важную роль, особенно в советский период, снижение инвестиционной активности и свертывание политики хозяйственного развития Сибири в 1990-е годы привели к мощному миграционному оттоку. Выезжало прежде всего русское население, на которое приходилась и основная часть естественной убыли (*Дашинамжилов, Лыгденова* 2012: 50–54). У бурят, судя по косвенным данным, она оказалась гораздо меньше. К примеру, в Читинской обл. даже в тяжелые кризисные времена зафиксирован естественный прирост у бурят — 736 чел. в 1994 г. и 456 чел. в 1998 г., тогда как у русских отмечалась убыль — 2172 и 32 чел. соответственно (ГАЗК. Л. 23–24). В результате численность русских в Бурятии снизилась на 13,1%, а бурят выросла на 15,0%, удельный вес последних увеличился с 24,0% в 1989 г. до 29,5% в 2010 г. Рост численности бурятского населения в республике оказался самым высоким из трех регионов преимущественного расселения этноса, что косвенно говорит о продолжающейся миграции части бурят Иркутской и Читинской областей в Бурятию, а также, возможно, о некоторой интенсификации у них ассимиляционных процессов (особенно в Иркутской обл.).

Положительный естественный прирост образовался благодаря высокому удельному весу “молодых когорт” в возрастной структуре населения и большой доле лиц репродуктивного возраста, а также благодаря рождаемости, которая продолжала оставаться выше, чем в среднем по России и Восточной Сибири. Так, например, в 2010 г. доля лиц в возрасте до 30 лет составила 49,0%, т.е. почти половину бурятского населения, а пенсионного возраста (60 лет и старше) — 10,2% (Табл. 3).

К сожалению, в постсоветский период органы статистики перестали публиковать материалы о числе рождений и смертей в разрезе возрастных когорт с пятилетним интервалом и национальностей.

Многие косвенные признаки указывают на то, что разница в показателях рождаемости крупнейших национальностей Бурятии постепенно стиралась. Если в 2002 г. суммарный коэффициент рождаемости по республике составил 1,603, а в 2010 г. — 2,016, то у бурят он, скорее всего, был примерно 1,800–1,900 и 2,300 соответственно. Причины опережения остались прежними: это главным образом все

Таблица 3

Возрастной состав бурятского и русского населения Республики Бурятия в 2010 г.*, %

Возраст, лет	Буряты	Русские
0–4	9,1	7,7
5–9	6,8	6,2
10–14	6,1	5,5
15–19	6,9	6,4
20–24	10,3	9,7
25–29	9,8	8,9
30–34	8,1	7,9
35–39	6,8	6,8
40–44	6,2	5,5
45–49	7,2	6,7
50–54	7,1	7,6
55–59	5,4	6,7
Старше 60	10,2	14,4

* Подсчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. М., 2012. С. 570, 571, 581, 588.

еще сохранившаяся высокая доля сельских жителей у бурят (51,3% в 2010 г.). Можно предположить, что разница в продолжительности жизни бурятского и русского населения продолжала оставаться небольшой, а возможно, и вовсе исчезла. Нет особых причин считать, что колебания смертности как у одних, так и у других в 1989–2010 гг. носили иной характер, чем в республике в целом. В 2002 г. средняя продолжительность жизни в Бурятии составила 61,34 года, к 2010 г. выросла до 66,05 года, но все еще была ниже, чем в позднесоветский период.

Можно с уверенностью утверждать, что в постсоветский период под влиянием социально-экономических потрясений произошел переход бурятского населения к последней — третьей фазе демографического перехода. Среднегодовые темпы прироста населения в 1989–2010 гг. составили всего 0,7%. Результатом низкой рождаемости и смертности стало слегка расширенное, а возможно, и простое воспроизводство бурятского населения, которое в перспективе может стать суженным, как и в целом по стране.

* * *

Рассматривая динамику численности бурят в Республике Бурятия, можно сделать вывод: благодаря высокому естественному приросту она значительно выросла за 1959–2010 гг., т.к. основную часть рассматриваемого периода буряты фактически находились на промежуточных фазах демографического перехода, характеризующихся высокой рождаемостью и сравнительно низкой смертностью. На этих стадиях происходит так наз. демографический взрыв, который, однако, в рассматриваемом случае был во многом нивелирован политикой повышения занятости и другими государственными реформами. Завершение демографического перехода произошло в постсоветский период, когда рождаемость у бурят приблизилась к суммарному коэффициенту, равному двум рождением на одну женщину, а смертность сравнялась с показателем в целом по республике. Особенности воспроизводства бурятского населения прямо воздействовали как на темпы роста численности жителей республики, которые в 1960–1980-е годы были более высокими, чем в Восточной Сибири

и России в целом, так и на демографические потери, которые в Бурятии в постсоветский период оказались меньше.

Примечания

¹ Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года (численность, расселение, городское и сельское население, соотношение мужчин и женщин, родной язык). М.: ЦСУ РСФСР, 1961. С. 415.

² Численность, состав и движение населения в РСФСР. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 37.

³ Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года (численность, расселение, городское и сельское население, соотношение мужчин и женщин, родной язык). М.: ЦСУ РСФСР, 1961. (Для служебного пользования — ДСП.) С. 37; Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М.: Госкомстат РСФСР, 1990. С. 145.

⁴ Некоторые социально-демографические показатели, характеризующие изменения национального состава населения области за 1959–1989 гг. Иркутск: Иркутскстат, 1991. С. 2.

⁵ Национальный состав населения РСФСР (По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 года). М., 1975. (ДСП.) С. 76; Национальный состав населения РСФСР (По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года). М.: ЦСУ РСФСР, 1982. (ДСП.) С. 137.

⁶ Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года (численность, расселение, городское и сельское население, соотношение мужчин и женщин, родной язык). М.: ЦСУ РСФСР, 1961. С. 245.

⁷ Национальности РСФСР (Распределение по общественным группам, отраслям народного хозяйства, уровню образования, состоянию в браке и размеру семьи). По данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 года. М.: ЦСУ РСФСР, 1961. С. 5, 157.

⁸ Сколько детей будет в советской семье (результаты обследования). М.: Статистика, 1977. С. 52–73.

⁹ Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР (по материалам выборочных обследований). М.: Статистика, 1974. С. 174.

¹⁰ Естественное движение населения в РСФСР. М., 1988. (ДСП.) С. 259.

¹¹ В 1959 г. в республике на 10 тыс. чел. приходилось 13,9 врача, тогда как в Восточной Сибири — 15,8; больничных коек — соответственно 72,9 и 78,3.

¹² Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Том VI. Число и состав семей. Число рожденных детей. Часть III. Число рожденных детей. М.: Госкомстат СССР, 1990. С. 122.

¹³ Павлик З. Проблемы демографической модернизации // Брачность, рождаемость, семья за три века. М.: Статистика, 1979. С. 158–169.

¹⁴ Согласно социологическим исследованиям рождаемость у незанятых женщин была выше, чем у занятых в общественном производстве.

¹⁵ Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Бурятской АССР. М.: ЦСУ при Совете Министров, 1970. С. 18.

¹⁶ Городские поселения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г.). М.: ЦСУ РСФСР, 1980. С. 138.

¹⁷ Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения Российской Федерации по данным переписи населения 1989 года. Том II. Образовательный уровень, источники средств существования, общественные группы, занятость населения отдельных национальностей в отраслях материального производства и непроизводственной сферы. М.: Госкомстат, 1992. С. 325.

¹⁸ Национальный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года). М.: ЦСУ РСФСР, 1982. С. 138.

¹⁹ Некоторые показатели, характеризующие национальный состав населения Российской Федерации по данным переписи населения 1989 года. Том II. Образовательный уровень, источники средств существования, общественные группы, занятость населения отдельных национальностей в отраслях материального производства и непроизводственной сферы. М.: Госкомстат, 1992. С. 177, 212–213.

Источники и материалы

- РГАЭ — Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 1808. Л. 175–178.
ГАРБ 1 — Государственный архив Республики Бурятия. ФР. 196. Оп. 14.
ГАРБ 2 — Государственный архив Республики Бурятия. ФР. 196. Оп. 1/8.
ГАЗК — Государственный архив Забайкальского края. ФР. 1645. Оп. 19. Д. 56.

Научная литература

- Базаров Б.В., Курас Л.В. К вопросу о совершенствовании межнациональных отношений в Республике Бурятия // Современное положение бурятского народа и перспективы его развития. Вып. 2 / Отв. ред. Ю.Б. Рандалов, Г.Л. Санжиев. Улан-Удэ, 1996. С. 12–18.
Балдано М.Н. Основные тенденции изменений социальной структуры в постсоветский период // Вестник БГУ. Сер. 4. История. 2002. Вып. 12. С. 86–91.
Басаева К.Д. Семья и брак у бурят. Вторая половина XIX — начало XX века. Новосибирск: Наука, 1980.
Бошектуев А.В. Население Бурятии в 1920–1930-е гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, 2002.
Брук С.И. Население мира. Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981.
Гуцин Н.Я. (отв. ред.) Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск: Наука, 1991.
Дашинамжилов О.Б., Лыгденова В.В. Динамика изменения этнического состава населения Сибири в 1989–2010 гг. // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 50–54.
Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 55.
Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М.: РАГС при Президенте РФ, 2000.
Жуковская Н.Л. О буддизме и буддистах. Статьи разных лет: 1969–2011. М.: Ориенталия, 2013.
Затеев В.И., Хараев Б.В. Демографические аспекты этносоциальной структуры Бурятии // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 115–121.
Зориктуев Б.Р. Современный быт бурятского села. Новосибирск: Наука, 1982.
Исупов В.А. (отв. ред.) Миграции населения Азиатской России: конец XIX — начало XXI вв. Новосибирск: Параллель, 2011.
Кваша А.Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР. М.: Статистика, 1974.
Козлов В.И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М.: Финансы и статистика, 1982.
Мангатаева Д.Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995.
Михайлов Т.М., Рандалов Ю.Б. Краткий обзор этнографического изучения бурят в советское время // Исследования и материалы по истории Бурятии. 1968. Вып. 5. С. 41–54.
Нимаев Д.Д. Этнодемографические процессы в Бурятии в XIX — начале XX вв. // Бурятия XVII — нач. XX вв.: экономика и социально-культурные процессы / Отв. ред. Н.В. Ким. Новосибирск: Наука, 1989. С. 69–84.
Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов (17–18 вв.). Л.: БМГИЯЛИ, 1937.
Пирожков С.И. Демографические процессы и возрастная структура населения. М.: Статистика, 1976.
Рандалов Ю.Б. Об изменениях в социальной структуре бурятского населения // Современное положение бурятского народа и перспективы его развития / Отв. ред. Ю.Б. Рандалов, Г.Л. Санжиев. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. С. 13–17.
Санжиев Б.С. О консолидации бурятской социалистической нации как составной части новой исторической общности советского народа // В братской семье народов / Отв. ред. А.А. Бадилов. Улан-Удэ, 1974. С. 80–89.
Токарев С.А. О происхождении бурятского народа // Советская этнография. 1953. № 2. С. 37–52.
Урланис Б.Ц. Рождество и продолжительность жизни в СССР. М.: Госстатиздат, 1963.
Ханхараев В.С. О некоторых тенденциях демографического развития бурятского этноса в 90-е годы // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика / Отв. ред. Ю.Б. Рандалов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1993. С. 115–117.
Fondahl G., Sirina A.A. Oil Pipeline Development and Indigenous Rights in Eastern Siberia // Indigenous Affairs. Arctic Oil and Gas Development. Copenhagen: IWGIA, 2006. № 2–3. P. 58–67.
Heleniak T. International Comparisons of Population Mobility in Russia // International Journal of Population Research. 2012. Vol. 2012. <http://dx.doi.org/10.1155/2012/361497>

Humphrey C. The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism. Ithaka: Cornell University Press, 2002.

Petrov A.N. Lost Generations? Indigenous Population of the Russian North in the Post-Soviet Era // Canadian Studies in Population. 2008. Vol. 35.2. P. 269–290.

Research Article

Dashinamzhirov, O.B., and V.V. Lygdenova. The Demographic Transition of the Buryat Residing in the Republic of Buryatia in the 1959–2010s [Demograficheskii perekhod buriat Respubliki Buriatiia v 1959–2010 gg.]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 3, pp. 183–197. <https://doi.org/10.31857/S086954150005287-5> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Odon B. Dashinamzhirov | <https://orcid.org/0000-0002-0938-2290> | odon@bk.ru | Institute of History SB RAS (8 Nikolaeva St., Novosibirsk, 630090, Russia)

Victoria V. Lygdenova | <https://orcid.org/0000-0003-4277-8155> | victoria.lygdenova@gmail.com | Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Acad. Lavrentiev Avenue, Novosibirsk, 630090, Russia)

Keywords

Buryats, Eastern Siberia, peoples of Siberia, population dynamics, birth rate, mortality, migration, ethnic demography

Abstract

The article presents the results of research on the demographic statistics, population dynamics, birth and death rates, and age composition of Buryats residing in the Republic of Buryatia in the 1959–2010s. Drawing on the analysis of Soviet and Russian population censuses, we examine the reproduction statistics and trends of demographic transition among the Buryats. We show various factors that have an impact on this transition, such as social, class, and educational structure of the society, degree of its urbanization, state policies and economic reforms. We argue that the population numbers of the Buryats during the period under consideration increased significantly due to their starting position at the earlier stages of demographic modernization that were characterized by high birth rates and comparatively low mortality rates.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Russian Foundation for Basic Research, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [18-09-00395]

References

- Baldano, M.N. 2002. Osnovnye tendentsii izmenenii sotsial'noi struktury v postsovet'skii period [Main Tendencies of the Change of Social Structure in Post-Soviet Period]. *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. Istorii* 12: 86–91.
- Basaeva, K.D. 1980. *Sem'ia i brak u buriat. Vtoraia polovina XIX — nachalo XX veka* [Family and Marriage among the Buryats: The Second Half of the 19th — Beginning of the 20th Centuries]. Novosibirsk: Nauka.
- Bazarov, B.V., and L.V. Kuras. 1996. *K voprosu o sovershenstvovanii mezhnatsional'nykh otnoshenii v Respublike Buriatiia* [To the Question about International Relations in the Republic of Buryatia]. In *Sovremennoe polozhenie buriatskogo naroda i perspektivy ego razvitiia*. Vyp. 2 [Modern Situation of the Buryats and Perspectives of Their Development. Vol. 2], edited by Yu.B. Randalov and G.L. Sanzhiev, 12–18. Ulan-Ude.
- Boshektuev, A.V. 2002. *Naselenie Buriatii v 1920–1930-e gg.* [Population of Buryatia in 1920–1930-s]. PhD diss. abstract. Eastern Siberian State University.

- Bruck, S.I. 1981. *Naselenie mira. Etnodemograficheskii spravochnik*. [World Population: Ethnographic Directory]. Moscow: Nauka.
- Dashinamzhirov, O.B., and V.V. Lygdenova. 2012. *Dinamika izmeneniia etnicheskogo sostava naseleniia Sibiri v 1989–2010 gg.* [Dynamics of Ethnical Composition of the Population of Siberia Cange in 1989–2010-s]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 10: 50–54.
- Dolgikh, B.O. 1960. *Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri*. [Generic and Tribal Composition of the Peoples of Siberia]. Vol. 55. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Fondahl, G., and A.A. Sirina. 2006. Oil Pipeline Development and Indigenous Rights in Eastern Siberia. In *Indigenous Affairs: Arctic Oil and Gas Development* 2–3: 58–67. Copenhagen: IWGIA.
- Gushchin, N.Ya., ed. 1991. *Krest'ianstvo i sel'skoe khoziaistvo Sibiri. 1960–1980-e gg.* [Peasantry and Agriculture of Siberia: 1960–1980-s]. Novosibirsk: Nauka.
- Heleniak, T. 2012. International Comparisons of Population Mobility in Russia. *International Journal of Population Research* 2012. <http://dx.doi.org/10.1155/2012/361497>
- Humphrey, C. 2002. *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism*. Ithaka: Cornell University Press.
- Isupov, V.A. ed. 2011. *Migratsii naseleniia Aziatskoi Rossii: konets XIX — nachalo XXI vv.* [Migrations of the Population of Asian Russia: End of the 19th — Beginning of the 21st Centuries]. Novosibirsk: Parallel.
- Khankharaev, V.S. 1993. *O nekotorykh tendentsiiakh demograficheskogo razvitiia buriatskogo etnosa v 90-e gody* [About Some Tendencies of Demographic Development of the Buryatian Ethnos in 1990]. In *Etnosotsial'nye obshchnosti v regione Vostochnoi Sibiri i ikh sotsial'no-kul'turnaia dinamika* [Ethnosocial Societies in Eastern Siberia Region and Their Social Cultural Dynamics], edited by Yu.B. Randalov, 115–117. Ulan-Ude: BNTs SO RAN.
- Kozlov, V.I. 1982. *Natsional'nosti SSSR. Etnodemograficheskii obzor*. [Nationalities of the USSR: Ethnical Demographic Review]. Moscow: Finansy i statistika.
- Kvasha, A.Ya. 1974. *Problemy ekonomiko-demograficheskogo razvitiia SSSR* [Problems of Economic-Demographic Development of the USSR]. Moscow: Statistika.
- Mangataeva, D.D. 1995. *Naselenie Buriatii: tendentsii formirovaniia i razvitiia* [Population of Buryatia: Tendencies of Formation and Development]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN.
- Mikhailov, T.M., and Yu.B. Randalov. 1968. *Kratkii obzor etnograficheskogo izucheniia buriat v sovetskoe vremia* [Short Review of Ethnographical Research of the Buryats in Soviet Time]. *Issledovaniia i materialy po istorii Buriatii* 5: 41–54.
- Nimaev, D.D. 1989. *Etnodemograficheskie protsessy v Buriatii v XIX — nachale XX vv.* [Ethnographic Processes in Buryatia in 19th — beginning of the 20th Centuries]. In *Buriatii XVII — nach. XX vv.: ekonomika i sotsial'no-kul'turnye protsessy* [Buryatia of the 17th — Begin 20th Centuries: Economics and Social-Cultural Processes], edited by N.V. Kim, 69–84. Novosibirsk: Nauka.
- Okladnikov, A.P. 1937. *Ocherki iz istorii zapadnykh buriat-mongolov (17–18 vv.)*. [Essays from Western Buryat-Mongols History]. Leningrad: BMGIIaLI.
- Petrov, A.N. 2008. Lost Generations? Indigenous Population of the Russian North in the Post-Soviet Era. *Canadian Studies in Population* 35.2: 269–290.
- Pirozhkov, S.I. 1976. *Demograficheskie protsessy i voznrastrnaia struktura naseleniia* [Demographic Processes and Age Structure of the Population]. Moscow: Statistika.
- Randalov, Yu.B. 1996. *Ob izmeneniakh v sotsial'noi strukture buriatskogo naseleniia* [About Changes in Social Structure of Buryatian Population]. In *Sovremennoe polozhenie buriatskogo naroda i perspektivy ego razvitiia* [Modern Situation of the Buryats and Perspectives of Their Development], edited by Yu.B. Randalov and G.L. Sanzhiev, 13–17. Ulan-Ude: BNTs SO RAN.
- Sanzhiev, B.S. 1974. *O konsolidatsii buriatskoi sotsialisticheskoi natsii kak sostavnoi chasti novoi istoricheskoi obshchnosti sovetskogo naroda*. [About Consolidation of Buryatian Socialistic Nation as a Composite Part of New Historical Society of the Soviet People]. In *V bratskoi sem'e narodov* [In Brotherhood Family of Peoples], edited by A.A. Badiiev, 80–89. Ulan-Ude: BNTs SO RAN.
- Tokarev, S.A. *O proiskhozhdenii buriatskogo naroda*. [About Origin of the Buryats]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 37–52.
- Ulanis, B.C. 1963. *Rozhdaemost' i prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR*. [Birth Rate and Life Longevity in the USSR]. Moscow: Gosstatizdat.
- Yelayev, A.A. 2000. *Buriatskii narod: stanovlenie, razvitie, samoopredelenie* [Buryats: Start, Development, Self-Identification]. Moscow: Rossiiskaia akademiia gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii.
- Zateev, V.I., and B.V. Kharaev. 2002. Demograficheskie aspekty etnosotsial'noi struktury Buriatii [Demographic Aspects of Ethical Social Structure]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 5: 115–121.
- Zhukovskaia, N.L. 2013. *O buddizme i buddistakh. Stat'i raznykh let: 1969–2011* [About Buddhism and Buddhists: Articles of Different Years: 1969–2011]. Moscow: Orientalia.
- Zoriktuev, B.R. 1982. *Sovremennyi byt buriatskogo sela* [Modern Life of the Buryatian Countryside]. Novosibirsk: Nauka.